

ОККАЗИОНАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ: ПОСЛАНИЕ В ТЕКСТАХ КУЛЬТУРЫ

[*Literatūrzinātne, folkloristika, māksla = Literature, Folklore, Arts: Okazionālā poēzija: veļtjums kultūras tekstos. Occasional Poetry: an Epistle in the Texts of Culture. Krājuma sastādītājas: Ludmila Sproģe, Nataļja Šroma. Rīga: Latvijas Universitāte, 2012. 92 lpp. (Latvijas Universitātes raksti = Acta Universitatis Latviensis = Scientific papers University of Latvia. 782. sējums = Volume 782)]*

В конце прошлого года в серии научных трудов Латвийского университета вышел сборник, включающий восемь статей, посвященных жанру послания. В первой статье сборника – «Прагматика послания» – Розанна Курпниец (Латвийский университет) рассмотрела прагматические аспекты послания как разновидности передачи интересной, т. е. значимой, информации, и его жанровые формы. Примерами и материалом для анализа стали дружеское рифмованное послание Булата Окуджавы, приведенное в воспоминаниях актера А.А. Ширвиндта, юбилейные послания С.Я. Маршака К.И. Чуковскому, Б.Л. Пастернака – актрисе А.П. Зуевой, а также два текста, интерпретируемые как коллективные послания, – электронное послание начинающей пользовательнице интернета и послание детей Земли жителям иных цивилизаций.

Статья Елены Погосян (Университет Альберта, Эдмонтон, Канада) «“Рижаном в подарки апелсины”»: об одной

функции шуточной переписки Петра I в начале его правления» погружает читателя в контекст переписки Петра Великого, в которой двусмысленность шуток сложно переплетается с умолчаниями и иносказаниями, нацеленными на передачу серьезной информации и вместе с тем на дезинформацию противника. Увлечательные комментарии раскрывают многомерность эпистолярной шутливости, в которой апельсины иносказательно обозначают пушечные ядра и вместе с тем актуализируют значения эмблемы «Через железо и золото» (в данном случае приложимой к замысленным саксонцами способам овладения Ригой). Отождествление апельсина с золотым яблоком Венеры отсылает к сюжету «Венусова веселия» (в 1700 г. войска Августа II упустили момент для взятия Риги, поскольку военачальник Флемминг был занят свадьбой); союзники саксонцы и враги шведы оказываются равно «охочи кушать» апельсины, а олицетворением таких любителей апельсинов высту-

пает царский шут Филат Шанский, он же «Шпанский», за чем тянется еще не одна нить занимательных подтекстов. В неоднозначности шуток исследователь усматривает «выражение некоторого еще несформулированного политического решения, некоторой тайнописи для себя» (с. 31).

В статье Татьяны Царьковой (Пушкинский Дом) «Эпитафия как послание» на примерах реальных кладбищенских эпитафий показана живучесть и продуктивность формул зачина с характерным обращением к прохожему, восходящих, вместе с литературными реминисценциями, к римской надписи „*Sta, viator, heroem calcas*“. Мотивная структура эпитафических «посланий» от первого лица анализируется на материале эпитафий конца XVIII в. (П.Д. Мартынов), конца XIX в. (И.Т. Лисенков), автоэпитафии умерших вдали от родины Н.А. Корсакова († 1820) и М.А. Колосовой († 1964). Отмечаются характерный только для начала XX в. декадентский мотив любования смертью (стихотворение Германа Лазариса, ставшее эпитафией на памятнике А.И. Ушаковой; † 1917) и светлые, позитивные чувства, зазвучавшие в гуманистической, «витальной» эпитафии рубежа XIX–XX вв. и XX в., что подтверждается рядом примеров.

Н.И. Голицына (1796–1868), супруга князя А.Ф. Голицына, служившего в Варшаве в свите цесаревича Константина Павловича, стала свидетельницей восстания 1830–1831 гг. и участницей тяжелого отступления русских из оккупированного восстанием края. В статье Анны Станкевич (Даугавпилсский уни-

верситет) «Мемуары-послание: “Воспоминания” Н.И. Голицыной» подход к мемуарам как к посланию оправдывается композицией, структурой и поэтикой текста. Книга княгини Голицыной открывается «малым» посланием – посвящением-завещанием сыну, написанным «по всем законам классического послания» (с. 43). «Большим» посланием, развертывающим тезисы, заложенные в «малом», представляются собственно воспоминания – эмоциональный монолог, выдержанный в романтической эстетике. Жанровая структура послания выступает стержнем мемуаров, сочетающих разные жанровые начала – элементы биографического сочинения, путевых заметок, исповеди.

Татьяна Барышникова (Латвийский университет) в статье «К проблеме адресации текста в лирике М. Цветаевой» прослеживает изменения существенной для поэзии Цветаевой категории адресата. В ранней лирике адресат, обозначенный в заглавии и посвящении, является «объектом описания, но не обращения», что говорит об установке на дневниковый жанр и поэтизацию быта. В лирике 1913–1922 гг. «частотность маркировки адресата в заголовочном комплексе сохраняется», но наряду с полными именами используются инициалы и сокращается количество текстов с посвящениями (с. 51). Эволюция категории адресата детальнее и нагляднее показана в анализе ряда текстов 1913–1921 гг., посвященных Сергею Эфрону. Внимательное изучение работы Цветаевой над стихотворениями (в том числе и неизданными) обнаружило изменения способов обозначения адре-

сата и тенденцию «к разграничению реального и лирического адресата» (с. 53). После 1923 г. в паратекстах Цветаевой посвящения, имена или инициалы стали редкостью. Циклы «Маяковскому» и «Стихи к Пушкину», а также поэма «Новогоднее» («написанная как письмо – эпитафия» Рильке, обозначенному в тексте, но не названному в заглавии) являют уже иной род адресата и другой вид общения. Эволюция способов выражения адресации объясняется изменениями мировоззрения и стиля поэта.

Послания и примыкающие к ним (маркированием имени) посвящения поэтов Русского Зарубежья, продолживших традицию Серебряного века, рассматриваются в статье Людмилы Спроге (Латвийский университет) «Послание и “стихи на случай” (Ирина Одоевцева, Ирина Сабурова, Александр Перфильев)». Материалом послужили тексты литераторов, часть жизни и творчества которых была связаны с Латвией, чем в известной степени и обусловлена их поэтическая переписка. Среди множества текстов с адресацией Перфильева (в межвоенной печати Латвии выступавшего также под псевдонимом А. Ли) выделяется послание-сонет «Поэтам Зарубежья» с его намеренной отвлеченностью и архаичностью метафорики и топики. Два стихотворения Перфильева, посвященные Игорю Северянину, оказываются окказиональными не только потому, что они написаны по поводу 35-летия литературной деятельности поэта, но и потому, что импульсом к их созданию стало «событие личной жизни поэта <Перфильева>, получившего письмо от знаменитого собрата» (с. 57).

Особо выделены посвящения и послания Перфильева, обращенные к детям и связанные «с коллизиями семейной жизни с И. Сабуровой». Стихи, адресованные Сабуровой, отмечены мотивом смерти или метафорическим образом «жизни – мучительной реки»; в ностальгическом стихотворении «Латгалия», посвященном сыну Олегу, с чертами латгальского ландшафта связываются темы творчества и невозвратной полноты жизни. В стихотворном послании «Янтарь» не названа, но угадывается потерянная Латвия – страна, «где я так долго прожил». По мнению исследователя, «стихи на случай» Перфильева нередко предстают лирическими самоописаниями и попытками определить природу стихотворного творчества. В стихах 1950–1970-х гг. тема бессмысленности творческого акта становится «пронзительным рефреном», а в стихотворении по поводу смерти Георгия Иванова, помимо жанровых признаков эпитафии, наблюдается трансформации времени («Лишь вчера похоронили Блока <...>») и пространства («Между Петербургом и Парижем / Расстояние в несколько шагов»). Отражение рецепции творчества адресата, характерное для стихотворных обращений друг к другу, демонстрируется на примере стихотворения Ирины Одоевцевой «Ирине Сабуровой», написанном по случаю выхода ее книги *Счастливое зеркало*. Довольно подробный анализ стилистического и стихового уровней стихотворения вскрывает реализацию тем игры, зеркала, сказки.

Федор Федоров (Даугавпилсский университет) в статье «Иосиф Брод-

ский: послания, примечания и доклады как поэтические структуры» представил детальный анализ стихотворений «Доклад для симпозиума» и «Послание “К стихам”», а также краткий комментарий к «Примечанию к прогнозам погоды», доказывая веру Бродского в глубинную взаимосвязь поэта и языка и вместе с тем рационалистичность мышления автора, ведущую к конструированию текста. Вера в то, что поэт «есть средство существования языка», выражена в стихотворных текстах, в статье «Неотправленное письмо», в «Нобелевской лекции» и других выступлениях и интервью разных лет, в самой манере чтения Бродским собственных стихов. Обилие жанровых определений (включая названия музыкальных и живописных жанров) в заглавиях Бродского подтверждает его внимание к правилам конструирования текста и сосредоточенность на самом принципе конструирования. Если «что бы ни писал Бродский о стихах, он всегда пишет о том, как они “сделаны”» (с. 68), то целесообразно разобраться в том, как сделаны его стихи, и убедиться в том, что они оказываются сложной конструкцией. Например, конструкцией, опирающейся и отталкивающейся от Кантемира (а через него и от Горация) в разных смыслах – от метрических аллюзий до полемиического утверждения своего понимания роли поэта и миссии поэзии.

В последней статье сборника «“Посвящается посвященной публике”»: к проблеме адресата новейшей русской поэзии» Наталья Шром (Латвийский университет) рисует «ситуацию коммуникативного провала» современной

поэзии, у которой нет читателя, – по меньшей мере, нет читателя обычного, который читал бы стихи не по долгу профессии. Как ни странно, именно это обстоятельство делает вполне закономерным возвращение к жанру поэтического послания современных поэтов, индифферентных к традиционной поэтической технике. Анализируемые стихотворения Алексея Денисова, Даниила Давыдова и Яны Токаревой, образующие своеобразную цепочку посланий, объединяются мотивами «хочу писать как» и «не хочу писать как», за которыми стоит отказ от ориентации на признанные имена, темы и приемы. Вместе с тем настойчиво повторяются имена (и местоимения) адресатов, адресантов, приемлемых и неприемлемых авторов: «мне кажется / что денисов написал что он не хочет писать как давыдов / а не как медведев / потому что на самом-то деле он хочет писать как медведев» (Токарева). Но за именем, навязываемым таким образом, стоит не уникальная личность, творческая индивидуальность и ее тексты, а агент мира литературы, суженного до круга посвященных, «более или менее значимая фигура в системе поэтических институтов» (с. 86), литературный функционер – например, куратор сетевого литературного проекта. Иначе говоря, послание становится инструментом селекции участников коммуникации, отграничения поэтического мира и закрепления презентуемых имен в этих границах.

Жанр послания, его модификации и родственные либо сходные с ним жанровые образования в статьях сборника рассмотрены в теоретической перспек-

тиве, с концептуальным выяснением жанровых конвенций. Широкий диахронический охват сборника вмещает конец XVII в. (статья Е. Погосян), русскую поэзию XX в. (статьи Т. Барышниковой, Л. Спроге, Ф. Федорова), поэзию начала XXI в. (статья Н. Шром). Теоретические дигрессии и историко-литературные экскурсы касаются текстов XVIII и XIX вв. и достигают истоков в посланиях Горация и римской эпитафии. В названии *Окказиональная поэзия: н о с л а н и е в текстах культуры* не специфицированы понятия «поэзия», «тексты»

и «культура», но по материалу сборник научных трудов, несомненно, относится к работам по русистике. Составившие книгу исследования представляют интерес, прежде всего, для филологов, занимающихся проблемами исторической и общей поэтики, художественной коммуникации, истории русской литературы, творчеством Цветаевой, Бродского и других поэтов, чьи тексты стали предметом анализа, что, конечно, не исключает полезности сборника для студентов-филологов и благосклонного внимания любителей изящной словесности.

Павел Лавринец